

УДК 681.161.1.09

А.С. Янушкевич

ИНСКРИПТ В ТВОРЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ В.А. ЖУКОВСКОГО И В КНИГАХ ИЗ ЕГО БИБЛИОТЕКИ

Делается попытка рассмотреть дарственные надписи (инскрипты) на книгах из библиотеки В.А. Жуковского как репрезентанты его дружеских отношений с известными деятелями русской и зарубежной культуры и на их основе обозначить некоторые характерные особенности литературной и общественной позиции поэта. Впервые вводимые в научный оборот, эти инскрипты – органическая часть русского литературного быта 1810–1830-х гг.

Ключевые слова: инскрипт, литературный быт, русско-европейские литературные связи, творческая система, библиотека Жуковского.

Подписываю книгу. Некий миг,
Когда на титуле своих же книг
Каракулями беглыми своими
Обзначаю место, дату, имя.
Не надпись, а рисунок. Не строка –
Стрела – ее метнула та рука,
Что, кстати, эту книгу написала.
Здесь автор и читатель – у начала
Стоят вдвоем, как у истока дней.
Писать легко, подписывать трудней...

Лев Озеров

I. В широком смысле слова инскрипт – надпись. В своем историческом значении это один из видов письменных памятников древности, так как надписи высекались на стенах храмов, дворцов, на плитах гробниц, на скалах и т.д.

Постепенно надпись обретает жанровый и литературный статус. В стихотворной «Антологии» Константина Кефалы разного типа надписи растворяются в большом пространстве древнегреческой эпиграммы [1. С. 291–297]. В составе же известных антологий поздней латинской поэзии она выделяется в особые разделы со следующей рубрикацией: «Посвятительные надписи», «Надгробные надписи», «Надписи разного содержания» [2. С. 524–550]. Один из авторитетнейших исследователей этого периода античной поэзии М.Л. Гаспаров связывает с инскриптом как разновидностью эпиграмматической поэзии процесс становления «низовой литературы» и путь к лаконизму как форме особой лирической экспрессии, пришедшей на смену эпической описательности [2. С. 22].

В перспективе этой литературной формы – малый стихотворный жанр, популярный в русской поэзии XVIII и начала XIX в.: надпись к статуе, портрету, в альбом. Достаточно вспомнить «Надпись на иллюминацию» М. Ломоносова, к монументу Петра Великого Г. Державина, «Надпись на статую Купидона» Н. Карамзина или «Надпись к Амуру» И. Дмитриева, классические пушкинские «К портрету Жуковского», «На статую играющего в бабки», «Царскосельская статуя», многочисленные эпитафии (см.: [3. С. 5–24]),

чтобы увидеть тематический диапазон надписи и ее историческую перспективу. Показательно, что в 1817 г. журнал «Вестник Европы» объявляет конкурс на надпись к портрету В.А. Жуковского, в котором участвуют многие литераторы того времени [4. С. 187].

В творческом наследии самого Жуковского это тоже довольно популярный жанр. Можно даже говорить о любви первого русского романтика к надписям, что было связано с его романтической философией памяти-воспоминания. Одно перечисление их образцов красноречиво: «Эльмина к портрету матери», «М* на Новый год, при посылке книги», «При посылке альбома», «Стихи, вырезанные на гробе А.Ф. С-ой», «К А* при подарке Аполлона», «Надпись к солнечным часам в саду И.И. Дмитриева», «Стихи на портрете А.А. Плещеева», «Надпись на картинке, изображающей три радости...», «И.Д. Полтарацкой, при посылке стихотворений в первом издании», «К портрету великой княгини Александры Федоровны», «На смерть чижики», «Надгробие И.П. и А.И. Тургеневым», «К портрету имп. Елизаветы Алексеевны», «К портрету Батюшкова», «К портрету Гете», «К своему портрету», «Д.В. Давыдову при посылке издания “Для немногих”» и т.д. Хронологический период создания перечисленных надписей – 1806–1843 гг., почти вся творческая жизнь поэта. Поэтический диапазон – самый разнообразный: от шутилой альбомной надписи до эпитафии, от характеристики царственной особы до эстетической декларации. Любопытным феноменом этих опытов Жуковского является «Певец во стане русских воинов» – поэтический венок надписей к портретам героев Отечественной войны 1812 г.

Инскрипты как дарственные надписи на книгах тоже древний жанр, родившийся вместе с рукописной книгой, что придает ему оттенок «вторичной авторизации» и определяет в дальнейшем «интимизацию печатного издания, его адресованность», «промежуточное место между литературным произведением и бытовым документом», сопрягает литературу с литературным бытом [5. С. 5–6].

В этом смысле инскрипты обладают самыми разными формами: в них «проглядывают и мерцают решительно все виды и жанры литературы» [6. С. 303]. Но во «вторичной авторизации» принципиально важна установка на диалог, и в этом диалоге открывается большое историко-литературное пространство. Через дарственную надпись на книге, принадлежащую писателю, прослеживается история личных и творческих отношений адресата и адресанта, выявляются новые факты писательской биографии и творческой лаборатории. Инскрипт – своеобразный репрезентант книжной культуры определенной эпохи и литературного этикета той или иной страны.

Принципиально важен контекст надписи: ее следы в дневнике, эпистолярной, мемуарной, поэзии, ассоциативный фон и т.д. Одним словом, книжный инскрипт многозначен: 1) это факт книжной культуры; 2) феномен бытовой культуры и литературного быта; 3) историко-литературное явление; 4) источник творческой лаборатории. Говоря словами Жуковского, «посол души, внимаемый душой», ибо дарственная надпись нередко проявляет «вещественные доказательства невещественных отношений» и входит в сферу социологии творчества и психологии человеческих отношений.

Интерес к проблемам литературного быта активизировал исследовательское внимание к проблемам книжной культуры и развитие соответствующих направлений книговедения. Появились исследования об экслибрисе, книжной иллюстрации, рисунках писателей, альбомах, книгоиздательском деле и книготорговле.

Точкой отсчета в изучении книжного инскрипта можно считать состоявшееся в начале 1979 г. специальное заседание круглого стола редакции журнала «Вопросы литературы», посвященного теме «Писательский автограф на книге» [6. С. 302–306]. Выступления Л. Озерова, В. Лидина, В. Лаврова, К. Ваншенкина, И. Гринберга в основном имели библиофильскую направленность и носили эссеистический характер. Сами выступающие подчеркивали, что это всего лишь «разведка темы», а ведущий заседания Е. Осетров в заключение сказал, что проблема писательского автографа – это «огромный, пока малоизученный материал, который ждет своих исследователей» [6. С. 306].

На конец 1970-х – начало 1980-х гг. приходится увлечение книжным инскриптом. В 1979 г. появляется статья Л. Озерова «Надпись на книге», которая заканчивается характерными словами: «Моя статья <...> является разведкой темы, записками поэта, почувствовавшего необходимость дать первые рабочие контуры возможного в дальнейшем исследования. Лиха беда начало. А там добавятся все новые и новые факты и – дело пойдёт» [7. С. 243]. И поэт оказался прав. В 1982 г. в специальной серии издательства «Книга» появляется сборник «А.С. Пушкин и книга» со статьей В.Э. Вацура, где особый раздел посвящен данной проблеме. В том же году в блоковском (92-м) томе «Литературного наследства» напечатана большая подборка материалов под названием «Дарственные надписи Блока на книгах и фотографиях» со вступительной статьей В.Я. Мордерер и А.Е. Парниса [8. С. 5–152]. Еще раньше в чеховском томе «Литературного наследства» была опубликована статья Н.А. Роскиной «Дарственные надписи на книгах и фотографиях Чехова» [9. С. 265–292]. Наконец, в 1988 г. появляется специально посвященное инскриптам издание «Автографы современников Пушкина на книгах из собрания Государственного музея А.С. Пушкина: Аннотированный каталог», воссоздающая свод инскриптов пушкинской поры.

Все это позволяет констатировать не только обострившийся интерес к проблеме книжного инскрипта, процесс формирования его истории и типологии, но и уполномочивает сделать некоторые предварительные обобщения.

Во-первых, основное внимание уделяется инскрипту одного автора, точнее, писательскому инскрипту (Пушкина, Чехова, Блока).

Во-вторых, авторский инскрипт рассматривается как летопись творческих взаимоотношений (например, Блока и Иванова-Разумника).

В-третьих, выявляется связь инскрипта с творческой лабораторией писателя, с его эпистолярием, посланиями и т.д.; через содержание инскрипта определяется его историко-литературный и общественный смысл.

В этом отношении показательны инскрипты Жуковского, сохранившиеся в различных книжных и музейных собраниях.

Классическим образцом стала надпись Жуковского на своем портрете (рис. Е.И. Эстеррейха), подаренном Пушкину: «Победителю-ученику от по-

бежденного учителя в тот высокаторжественный день, в который он окончил свою поэму *Руслан и Людмила*. 1820 марта 26 великая пятница». Кроме свидетельства удивительной человеческой щедрости и доброты дарителя, в этом инскрипте сконцентрирована судьба русской лиро-эпической поэмы (от неосуществленного замысла исторической поэмы «Владимир» Жуковского к «Руслану и Людмиле»), ее арзамасский подтекст, история личных и творческих отношений двух великих русских поэтов.

Дарственная надпись Жуковского на титульном листе его «Баллад и поестей» (СПб., 1831): «Чу от Светланы» [10. С. 111] – отражение истории арзамасского братства. Через 13 лет после завершения деятельности «Арзамаса» Жуковский-Светлана напоминает своему другу и поэтическому коллеге Д.В. Дашкову, получившему знаковое прозвище из его баллад как символ поэтической чуткости и человеческой отзывчивости, о годах юности и творческого сотрудничества, а его сборник во многом подводил итог балладного жанра, который определял характер арзамасского общества.

Другая надпись на подобном же экземпляре сочинений поэта гласит: «Сказочнику от Балладника» [10. С. 113], и в ней – уже память недавнего царскосельского соревнования Жуковского и Пушкина в освоении жанра стихотворной сказки. Как и в 1820 г., Жуковский вновь видит в Пушкине «победителя» в этом поэтическом поединке, оставив за собою приоритет в области балладного жанра и прежнее прозвание «балладник».

Показательна надпись на форзаце отдельного издания стихотворной повести Жуковского «Ундина» (СПб., 1837), подаренного А.И. Тургеневу 3 марта 1837 г.: «Другу Тургеневу от Жуковского. (1799–1837)» [10. С. 116]. Если первая часть инскрипта достаточно традиционна и фиксирует лишь факт многолетней дружбы Жуковского и Александра Ивановича Тургенева, то вторая часть – даты в скобках – и необычна, и многозначна. Это годы жизни совсем недавно погибшего А.С. Пушкина, архив которого в это время разбирал Жуковский, и в дарственной надписи общему другу они появляются как залог памяти о Пушкине; таким образом, история возникновения стихотворной повести Жуковского как этапа на пути сближения поэзии и прозы вписана в контекст не покидающих всех современников и друзей безвременно погибшего поэта. А.И. Тургенев, собеседник Пушкина в последние годы его жизни, проводивший поэта в последний путь, не мог не почувствовать подтекста этой надписи.

Одним словом, в истории русского инскрипта Жуковский занимает особое место: он мастер стихотворной надписи вообще, а его инскрипты на книгах не просто «посол души, внимаемый душой», но и характерное явление русского историко-литературного процесса 1810–1840-х гг.

Что касается общих выводов, то очевидно одно: инскрипт как определенная культурно-эстетическая система в пределах личной писательской библиотеки стоит на повестке дня. «Если авторские дарственные надписи – углубление представлений о творческой индивидуальности, то по надписям на книгах, сделанных одному адресату разными авторами, можно судить об этом адресате. Надписи такого рода сочетаются в общую характеристику человека» – это суждение Л. Озерова [7. С. 243] приобретает методологическое значение при анализе инскриптов в составе библиотеки В.А. Жуков-

ского, так как по своему составу и характеру она – уникальное явление русской культуры, а система инскриптов в сохранившихся в ней книгах и индивидуальная судьба наиболее значимых – отражение характерных особенностей творческой лаборатории первого русского романтика, его личных и творческих связей.

II

В дошедшей до нас библиотеке поэта, по всей вероятности не в полном составе (около 3700 томов), сохранилось около 150 книг с дарственными надписями. Из них 46 принадлежит русским авторам, 63 – иностранным; в 26 случаях инскрипты принадлежат одним и тем же авторам, которые имели с Жуковским продолжительные человеческие и творческие контакты и оставили дарственные надписи на нескольких книгах. Так, например, 5 инскриптов сделаны профессором древнеклассической филологии, красноречия, эстетики и истории искусств Дерптского университета Карлом Симоном Моргенштерном (1770–1852); 4 – писателем и публицистом А.С. Стурдзой (1791–1854), 3 – известным немецким натурфилософом и путешественником Александром фон Гумбольдтом (1769–1859). 10 книжных надписей не атрибутированы.

Абсолютное большинство инскриптов достаточно нейтральны сами по себе: «Его превосходительству В.А. Жуковскому как слабый знак истинного уважения» или «Его превосходительству В.А. Жуковскому в знак глубочайшего уважения и душевной преданности», «В.А. Жуковскому в знак искреннего почтения и привязанности от Сочинителя». Говорить об их содержании и тем более поэтике практически нет оснований. Можно лишь констатировать факт знакомства, дистанцию в отношениях. Не нужно забывать, что Жуковский для многих дарителей был не только поэт, но и официальное лицо: воспитатель наследника, «Его превосходительство». И по этому признаку все инскрипты четко делятся на две группы: дары другу-поэту и подношения воспитателю наследника, официальному лицу.

В дарственных надписях первой группы открывается пространство литературного мира 1810–1840-х гг. Среди дарителей, по существу, все виднейшие деятели русского историко-литературного процесса того времени: И.А. Крылов («Василию Андреевичу Жуковскому от сочинителя» – на чистом листе в ч. 1 «Басен Ивана Крылова: В трех частях. СПб., 1815»), И.И. Козлов («Милому Жуковскому» – на заглавном листе книги «Сельский субботник, вечер в Шотландии. Вольное подражание Р. Борнсу И. Козлова. СПб., 1829»), А.А. Дельвиг («Любезнейшему Василию Андреевичу Жуковскому от Дельвига» – на обложке «Стихотворений барона Дельвига. СПб., 1829»), Н.И. Гнедич («Почтенному другу Василию Андреевичу Жуковскому от Гнедича» – на обложке первой части «Илиады Гомеровою, переведенной Н. Гнедичем. Ч. 1–2. СПб., 1829»), Е.А. Баратынский («Василию Андреевичу Жуковскому Е. Баратынский» – на обложке первого тома «Стихотворений Евгения Баратынского. Ч. 1–2. М., 1835»), В.И. Панаева («Милостивому государю, Василию Андреевичу Жуковскому, в знак истинного уважения, от сочинителя. 24 Мая 1820» – на форзаце книги «Идиллии Владимира Панаева. СПб., 1820»), Н.И. Греч («Василию Андреевичу Жуковскому Н. Греч» – на обложке первой части книги «Учебная кни-

га российской словесности или избранные места из русских сочинений <...>, изданные Николаем Гречем. Ч. 1 и 4. СПб., 1819–1822»), Ф.В. Булгарин («Благородному Василию Андреевичу Жуковскому» – на обложке книги «Милость и правосудие. Восточная повесть. Сочинение Ф. Булгарина. СПб., 1822»), Н.Ф. Грамматин («Милостивому государю Василию Андреевичу Жуковскому от сочинителя. 1812. Февр. 5. С.П.» – на верхней обложке сочинения «Досуги, Грамматина. Книжка первая. СПб., 1811»), М.Н. Загоскин («Василью Андреевичу Жуковскому в знак искреннего почтения и привязанности от Сочинителя» – на обложке первой части книги «Аскольдова могила. Повесть времен Владимира Первого. Сочинение М. Загоскина. Ч. 1–3. М., 1833»), И.Т. Калашников («Его Превосходительству Василию Андреевичу Жуковскому с совершенным уважением осмеливается поднести Сочинитель» – на форзаце первого тома книги «Дочь купца Жолобова. Роман, извлеченный из иркутских преданий. Сочинение И. Калашникова. Ч. 1–4. СПб., 1831»), Е.П. Ростопчина («Василию Андреевичу Жуковскому l'élève au maître, l'admiratrice au roête qu'elle préfère entre tous, l'amie affectueuse et reconnaissante à celui, qu'on ne peut connaître sans l'adorer. Petersbourg, le 20 avril 1841») [Перевод: Ученица – учителю, поклонница – поэту, которого она предпочитает всем прочим, любящий и преданный друг – тому, кого нельзя звать и не обожать] – на обложке книги «Стихотворения графини Е. Ростопчиной. СПб., 1841»), В.А. Соллогуб («Василию Андреевичу Жуковскому от Сочинителя» – на обложке книги «Гарантас. Путевые впечатления. Сочинение графа В.А. Соллогуба. СПб., 1845»), Н.М. Языков («Василию Андреевичу Жуковскому от сочинителя» – на с. II «Стихотворений» Н. Языкова. СПб., 1833») и «Василию Андреевичу Жуковскому Н. Языков» – на верхней обложке книги «56 стихотворений Н.М. Языкова». М., 1844»), С.П. Шевырев («Василию Андреевичу Жуковскому от автора» – на заглавном листе книги «История русской словесности, преимущественно древней. XXXIII публичные лекции Степана Шевырева, ординарного профессора Московского университета. Т. 1, ч. 2. М., 1846») и т.д. К сожалению, пока не обнаружены книги с дарственными надписями Пушкина и Гоголя, хотя известно, что они были: в библиотеке Жуковского имеется экземпляр повести Н.В. Гоголя «Рим» (оттиск из журнала «Москвитянин». 1842. Кн. 3. С. 22–67), с надписью карандашом: «В.А. Жуковскому». В письме к Жуковскому от 14 (26) июня 1842 г. Гоголь, в частности, сообщал: «А пока посылаю вам вместе с «Мертвыми душами» статью мою «Рим», помещенную в «Москвитянине», которую я для вас отпечатал отдельною брошюрою» [12. С. 70].

Столь же широк диапазон инскриптов европейских авторов эпохи романтизма – от немецкого романтика, автора романа «Странствия Франца Штернбальда» Людвиг Тика, подарившего русскому поэту корректурный экземпляр первой части этого своего программного сочинения [13. С. 341–346] и автора романа «Обрученные», итальянского романтика Алессандро Мандзони, до почти неизвестных в России немецкого искусствоведа, автора «Истории изобразительных искусств» (Geschichte der bildende Künste. [1843]) Карла Шнаазе (1798–1875) и итальянского натурфилософа Валериано Луиджи Бреры (1772–1840).

Книги, естественно, чаще всего – дары их авторов, однако нередко это и дары друзей, почитателей таланта, не имеющих никакого отношения к автор-

ству, но рождающие импульсы для размышлений и творчества. Так, на заглавном листе экземпляра редкого первого издания 1800 г. «Ироической песни о походе на половцев удельного князя Новагорода-Северского...» читаем: «Песнь древнего барда новому трубадуру дарит Андрей Тургенев в знак дружбы на память любви. 1800 ноября 24» (см. об этом: [14. С. 25–27; 15. С. 123–124]). Этот подарок задушевного друга юных лет, рано ушедшего из жизни, отзовется в планах исторической поэмы «Владимир» и в оригинальном переложении «Песни о полку Игореве» (1817). Такого же характера дарственная надпись брата Андрея Тургенева Николая Ивановича, будущего идеолога декабризма и одного из первых русских диссидентов, на верхнем форзаце книги «Старинные датские героические песни, баллады и сказки» (Alddänische Heldenlieder, Balladen und Märchen. Übersetzt von Wilhelm Carl Grimm. Heidelberg, 1811): «За неимением чего-нибудь порядочного своего прочти чужое. Н.Т. 23 мая 1815». Дерптский друг, педагог и поэт Мартин Асмус (1784–1844) дарит Жуковскому переложение старонемецкой повести «Бедный Генрих» (Der Arme Heinrich. Eine altdeutsche Erzählung. Herausgegeben von J.G. Büsching. Zürich, 1810). Известный немецкий врач и естествоиспытатель, тесть А.С. Стурдзы и берлинский собеседник Жуковского в 1820–1821 гг. Христиан Вильгельм Гуфеланд (1762–1836) – популярное в то время сочинение И.-Г. Фихте «Наставление к внутренней жизни» (Die Anweisung zum seeligen Leben, oder auch die Religionslehre. Berlin, 1806) со следующей надписью на форзаце: «Seinem Freunde Suckowsky D. Hufeland. Berlin, 8 May, 1821». Об интересе Жуковского к сочинениям немецкого философа известно из дневниковой записи от 4 (16) и 11 (23) апреля 1821 г. [16. Т. 13. С. 161–162, 165]. Кузина немецкого писателя-романтика Генриха фон Клейста, хозяйка литературного салона в Берлине Мария фон Клейст (урожд. Гвалтиери; 1761–1831) дарит Жуковскому незадолго до своей смерти экземпляр переложения индийской повести «Наль и Дамаянти» (Nal und Damajanti. Eine indische Geschichte bearbeitet von Friedrich Rückert. Frankfurt, 1828), что стало импульсом для перевода этого произведения.

И таких примеров достаточно, и все они красноречивое свидетельство того, что книжный инскрипт по природе своей сюжетен: за ним – новые имена и факты. Это своеобразный клубок, из которого вытягивается нить взаимоотношений, биографических сведений и неизвестных эпизодов творческой биографии поэта. Инскрипт стереоскопичен и объемен. Он существует не сам по себе, а в большом контексте историко-литературных взаимоотношений, творческой лаборатории, ассоциативных связей, мемуаров и эпистолярия – и еще того, что можно назвать «Жизнь и Судьба».

История четырех инскриптов из книжного собрания Жуковского, выбранных для разговора, – наглядное тому подтверждение.

1. Жуковский и декабрист Николай Тургенев

В библиотеке Жуковского (Онегинское собрание) находится «Опыт теории налогов» Н.И. Тургенева (СПб., 1818). На обложке черными чернилами написано: «Его Высокоблагородию Василию Андреевичу Жуковскому от Автора». Если учесть, что «после поражения декабристов 14 декабря 1825 г.

книга Тургенева была изъята из библиотек, ее разыскивали и уничтожали найденные экземпляры» [17. С. IX], то становится очевидным важное ее значение в идейном развитии поэта. Он не только сохранил эту книгу с дарственной надписью приговоренного заочно к смертной казни декабриста, но и оставил в ней свои маргиналии.

Важную роль в формировании общественной позиции Жуковского 1820-х гг. сыграло его знакомство с основами политической экономии, увлечение которой – «характерная черта для передовой молодежи тех лет» [18. С. 43–44]. Даже пушкинский Онегин «<...> читал Адама Смита // И был глубокий эконом...». В книжном собрании Жуковского имеется целый ряд трудов по политической экономии, в том числе популярные в то время сочинения Сисмонди (Sismondi J. Ch. Nouveaux principes d'économie politique. Vol. 1–2. Paris, 1827), Сея (Say J.B. Catechisme d'économie politique. Bruxelles, 1832), Адама Смита (Smith A. Essais philosophiques. Vol. 1–2. Paris, 1797), Шторха (Storch H. Cours d'économie politique. Vol. 1–5. Paris, 1823–1824) и др. [11. № 2131, 2037, 2136, 2206].

Чтение и изучение этих трудов не было самоцелью. Проблемы внутренней политики России, ее экономики, положение крепостного крестьянства заставляли передовое русское дворянство внимательнее относиться к этой науке, используя ее завоевания для решения конкретных задач политического развития России. В предисловии к «Опыту теории налогов», характернейшему образцу декабристской мысли, Н.И. Тургенев так определил значение этой науки в жизни общества: «<...> она благотворна в действиях на нравственность политическую», а занимающийся политической экономией «<...> невольно привыкает ненавидеть всякое насилие, самовольство и в особенности методы делать людей счастливыми вопреки им самим» [19. С. 9. Экземпляр этого издания с пометами Жуковского находится в Онегинском собрании его библиотеки (Пушкинский дом. № 86 3/5)]. Общение Жуковского с будущими декабристами, в особенности с Н.И. Тургеневым в середине 1810-х гг., способствовало пониманию значения этой науки, а чтение «Опыта теории налогов» стимулировало этот процесс проникновения в тайны политэкономии.

История взаимоотношений Н.И. Тургенева и Жуковского исследована пока недостаточно. Более подробно говорится об их отношениях в 1840-х гг. [20. С. 207–227], в то время как их контакты арзамасской поры почти не раскрыты. Прежде всего необходимо заметить, что сам процесс напечатания «Опыта теории налогов» неразрывно связан с атмосферой «Арзамаса». Начиная с 1817 г. Н.И. Тургенев в дневнике и письмах постоянно говорит о чтении рукописи «Опыта» арзамасцами:

1 февраля 1817 г.: «Мои налоги брат (имеется в виду арзамасец Александр Тургенев. – А.Я.) прочел. Теперь отдаются на прочтение Блудову и Дашкову; если и они скажут да, то буду печатать» [21. С. 211].

12 февраля 1817 г.: «Книгу мою отдал Блудову. Если скажет, что годится, то напечатаю» [21. С. 212].

1 апреля 1817 г.: «Книгу мою Блудов прочел. Я исправил некоторые места по его замечаниям. Но теперь еще совершенно не решился. Десять раз примерь да один раз отрежь» [21. С. 219].

Несомненно, что выбор читателей у Тургенева был строг: это были арзамасы с выраженным интересом к политике. Тем показательнее, что к середине 1817 г. в их числе оказался и Жуковский. Тургенев уже давно обратил внимание на него. Еще в конце 1816 г. он замечает: «Литературу российскую обогащает только Жуковский» [21. С. 205], а позднее, посещая заседания «Арзамаса», отмечает: «Жуковский и Блудов всегда читают речи и очень забавные. Литературные хамы на них всегда сердятся, а они над ними смеются, и дело делают» [21. С. 209]. Видимо, и рекомендации брата, и собственные наблюдения определили симпатию и доверие Николая Тургенева к Жуковскому. И вот в приписке к письму С.И. Тургеневу от 5 августа 1817 г. автор «Опыта» сообщает: «Книгу мою читаю я с Жуковским и думаю, что решусь печатать» [21. С. 229].

Постепенно отношения с Жуковским приобретают не просто дружеский, но и идейный характер. В дневнике от 27 мая 1817 г. Тургенев записывает: «Вчера после библ<ейско>го общ<ест>ва сидел я с Жук<овским> долго у Мих. Орлова. Много говорили, много болтали...» [22. С. 37]. Трудно говорить о позиции Жуковского в этих разговорах, но, вероятно, эти беседы не прошли бесследно. Ведь не случайно одним из участников задуманного политического журнала, главная цель которого «состоит в том, чтобы распространить у нас здравые идеи политические», Тургенев хотел видеть Жуковского. Если учесть, что этот замысел относится уже к 1819 г. (т.е. после выхода «Опыта теории налогов» и прекращения деятельности «Арзамаса»), то очевидно становится доверие Н.И. Тургенева к общественной позиции поэта.

Как уже было сказано, в библиотеке Жуковского имеется экземпляр первого издания «Опыта теории налогов», дарственная надпись на обложке которого – отражение симпатии его автора к одному из читателей рукописи. Это произведение, в весьма искусной форме пропагандирующее необходимость борьбы с рабством, было тщательно прочитано Жуковским, о чем свидетельствует исправление даже всех опечаток в тексте. Однако наибольшее внимание привлекла первая глава книги. Именно в ней на с. 4–13 сосредоточены пометы читателя, которые заключаются в отчеркиваниях, подчеркиваниях и записях: их полный текст приводится в моей статье «Круг чтения В.А. Жуковского 1820–1830-х годов как отражение его общественной позиции» [23. С. 474–476].

Пометы Жуковского позволяют говорить, что пафос этого сочинения был в основном воспринят поэтом. Не случайно он сосредоточил их именно в программной первой главе «Происхождение налогов», в которой особенно остро был поставлен вопрос о взаимосвязи налогов со степенью образованности общества и положением народа. Не вдаваясь в экономическую сущность теории, Жуковский чутко улавливает ее методологическое значение. Все три отчеркивания, сделанные в книге (с. 7, 8, 13), касаются вопроса о благосостоянии народа: Жуковский выделяет в книге Тургенева мысль о том, что его истинным показателем является система налогов.

Он прежде всего старается понять, как политика государя в области налогов отражается на благосостоянии общества. Почти одновременно в читательских пометах, сделанных на страницах статьи немецкого моралиста и философа Иоганна Якоба Энгеля (1741–1802) «Fürsten-Wohllust», являющей-

сы составной частью его книги «Fürstenspiegel» («Зерцало для князей»), и несколько позднее, в статье для журнала «Собиратель» [24. С. 482–489], Жуковский пытается показать, что злоупотребления в налоговой политике могут привести к возмущению народа и мятежу.

Такое осмысление этого вопроса непосредственно связано с пониманием антикрепостнической направленности книги Тургенева. Думается, что подчеркиванием на с. 8 Жуковский акцентирует внимание именно на этом: «*благосостояние народа, основанное на законах ненарушаемых, на свободе гражданской*» – это истинное благосостояние. На с. 11 Жуковский вдумывается в определение налогов, данное Тургеньевым, подчеркивая мысль о том, что «*не должно смешивать права требовать податей с правом налагать оныя*». Вслед за автором он пытается выявить права и обязанности правительства в налоговой политике, что оно «должно» и что «не должно». Характерно и примечание, которое Жуковский делает к тургеньевскому определению налогов. Комментируя слова «налоги есть средства к достижению цели общества или Государства», он на свободном поле страницы 11 пишет: «*а цель: благоденствие общее и частное*».

Выделяя эту мысль как особенно значимую, Жуковский подчеркивает эти слова. Такое определение цели общества соприкасается с терминологией ранних декабристских организаций, в частности «Союза благоденствия». Само понятие «благоденствия» является сквозным в книге Тургенева буквально с первой страницы: «богатство ведет к *благоденствию*»; «свобода новейших народов рождалась и укреплялась вместе с их *благоденствием*»; «истинные правила, на коих зиждется, которыми сохраняется *благоденствие* народа...» В «Русской Правде», программном документе декабристов, читаем: «Цель гражданского общества состоит в *благоденствии* всего общества и каждого члена онаго в особенности» [24. С. 113]. Разумеется, содержание этого понятия, как и определение цели общества, было различно у Жуковского и декабристов, но сам факт близости их терминологии весьма примечателен.

Говоря о восприятии Жуковским антикрепостнической направленности книги Тургенева, хотелось бы обратить внимание на один факт их дальнейших взаимоотношений. В «Записке о Н.И. Тургеньеве» (1827), основная цель которой была облегчить участь Тургенева и оправдать его в глазах Николая I, Жуковский настойчиво подчеркивает, что «главным его (Тургенева. – А.Я.) желанием, которое направляло все его действия, было уничтожение рабства помещичьих крестьян». Далее автор «Записки» замечает: «Но в чем же состояли сии свободные мысли? Все более или менее относились к главной, то есть к освобождению крестьян» [25. С. 18]. Снимая с Тургенева обвинения в якобинстве, Жуковский вновь пишет: «<...> весьма легко смешать с понятием о свободе крестьян понятие о любви к необузданности, о республике и называть якобинцем того, кто говорит, что людей продавать не должно» [26. С. 19]. Всем ходом своих рассуждений Жуковский пытается убедить судей Тургенева в том, что борьба последнего за освобождение крестьян является делом законным и полезным для общества.

Но если отчеркивания и подчеркивания в книге лишь немое согласие с автором, то обширная запись на с. 5 – кульминация размышлений поэта. Уже ее начало носит полемический оттенок и словно продолжает незаконченный

спор: «А Николай Иванович! Вы ли это?». Жуковский констатирует какие-то изменения в позиции Тургенева, возможно связанные со спором вокруг вопроса о взаимоотношении «друзей свободы и просвещения» и народа. Видимо, Тургенев стал более трезво оценивать возможности «друзей свободы». Жуковский своей обширной записью пытается наметить диалектику этих взаимоотношений. Он, с одной стороны, не отрицает необходимости воздействовать на народ, а с другой – подчеркивает важное значение подготовленности и своевременности этого воздействия: «<...> искусство состоит в том, чтобы увидеть в пору ту минуту, в которую у него рука готова для приятия, и в том, чтобы заставить его подать руку. В сжатый кулак денег не вложишь». Подчеркивая в тексте своей записи опорные слова, читатель «Опыта» еще раз заостряет момент подготовленности народа для восприятия тех или иных идей: «<...> что будучи и благодетельно само по себе, есть еще призрак, будучи несвойственно на то время народу».

Спор о воздействии на народ идей просвещения у Жуковского обретает своеобразный характер: он видит в народе важную общественную силу. Выделяя слова «народ ничего не принимает, он берет», он одновременно отмечает и силу народа, и важность его подготовленности к восприятию определенных идей. Не принимая на веру слова «друзей свободы и просвещения», народ, по мнению Жуковского, берет то, что отвечает его коренным интересам и к чему он морально готов.

Таким образом, запись Жуковского в «Опыте теории налогов» Тургенева – свидетельство его серьезного интереса к декабристской идеологии, в частности к вопросу о воздействии их идей на народ. И чтение Жуковским «Опыта теории налогов», и его дружеские отношения с братьями Тургеневыми, с Н. Муравьевым, М. Орловым определяют общую атмосферу духовного развития Жуковского первой половины 1820-х гг. Не принимая революционных идей декабристов, осуждая их выступление против самодержавия, Жуковский соприкасался с ними в своем неприятии крепостничества и произвола. Его помощь ссыльным и осужденным декабристам, его утопический проект их амнистии, помощь в освобождении из рабства Шевченко и родственников Никитенко – свидетельство внутренней связи с их позицией.

На вопрос о датировке помет Жуковского в «Опыте теории налогов» точно ответить пока нельзя. Прямых указаний поэта на время чтения этого сочинения Тургенева обнаружить не удалось, да и дарственная надпись не датирована. Но думается, что чтение и пометы относятся к концу 1818 – началу 1819 г., т.е. сразу же после выхода ее в свет (ноябрь 1818 г.). Записи на нижней обложке «Опыта» связаны с подготовительными работами Жуковского к преподаванию русского языка великой княгине Александре Федоровне. Именно в 1818–1819 гг. он ведет эти занятия.

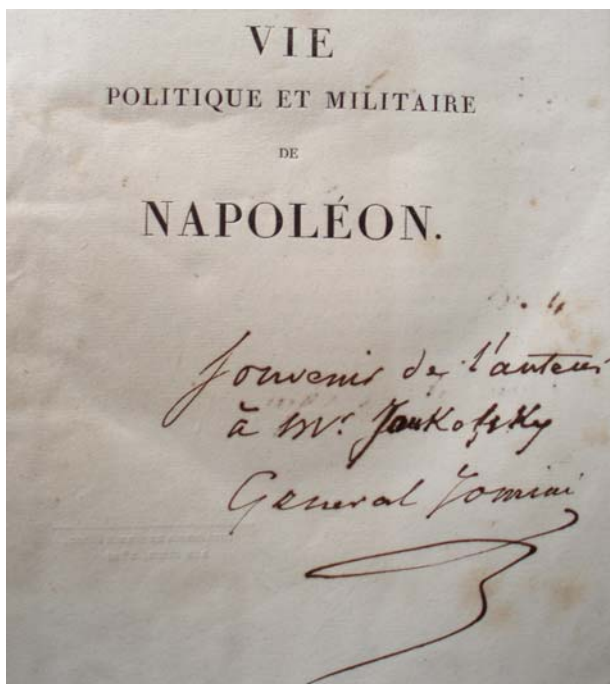
Таким образом, история инскрипта Н.И. Тургенева на его «Опыте теории налогов» имеет непосредственный выход в пространство творческой лаборатории Жуковского и дополняет представление о его общественной и литературной позиции 1820-х гг.

Вероятно, не менее интересно было бы проследить развитие этой позиции при знакомстве Жуковского с другим программным сочинением Н.И. Тургенева, его книгой «La Russie et les Russes» (Paris, 1847. Т. 1–3). Известно, что

эта книга была в библиотеке Жуковского (собрание А.Ф. Онегина), возможно, с пометами Жуковского [27. С. 198]. По всей вероятности, она была с дарственной надписью, так как Жуковский получил ее лично от автора. Ср.: «Благодарю тебя, любезнейший Николай Иванович, за доставление твоей книги» [28. С. 4]. Наконец, развернутая ее оценка и ответ автора [28. С. 4–6] – свидетельство продолжающегося спора Жуковского и Тургенева о России и общественно-историческом ее положении.

К сожалению, эта книга пока не обнаружена, а посему вопрос об инскрипте на ней лишь гипотеза...

2. Жуковский и генерал Анри Жомини

Популярность в России французского генерала и военного писателя, барона Анри (Генрих Вениаминович) Жомини (1779–1869) засвидетельствована известными стихами Дениса Давыдова:

«Жомини да Жомини!»,
А об водке – ни полслова [28. С. 86].

А.И. Тургенев, посетивший в октябре 1833 г. в Швейцарии город Паерну, где родился Жомини, называет его «наш Жомини» [29. С. 28].

Сподвижник Наполеона, военный стратег, он в 1813 г. переходит на сторону русских войск и становится советником российского императора Александра I. Его дальнейшая карьера была связана с русским двором. При императоре Николае I он участвовал в разработке разных военных проектов и

особенно проекта об учреждении высшего военного учебного заведения для подготовки офицеров Генерального штаба. В 1837 г. он преподавал великому князю, наследнику русского престола Александру Николаевичу стратегию и в этой своей должности не мог не пересечься с Жуковским, принимавшим самое активное участие в обучении великого князя.

Но, по всей вероятности, судьба свела их гораздо раньше. В библиотеке поэта находится сочинение французского генерала «*Vie politique et militaire de Napoleon, racontée par lui même au tribunal de César, d'Alexandre et de Frédéric*. Т. 1–4. Paris, 1827» (Политическая и военная жизнь Наполеона, рассказанная им самим перед судом Цезаря, Александра и Фридриха), на обложке первого тома которого имеется следующая дарственная надпись: «*Souvenir de l'auteur à Mr. Joukofsky. Général Jomini*» [Перевод: На память от автора г-ну Жуковскому. Генерал Жомини]. К сожалению, надпись на книге не датирована, но почти с полной уверенностью можно сказать, что она появилась сразу же после выхода книги, в мае-июне 1827 г.

В парижском дневнике Жуковского за 11 (23) мая – 28 (10) июня 1827 г. имеются две записи, проливающие свет на историю инскрипта: «15 (27) <мая>, воскресенье. <...> Обедал у князя Щербатова с Жомини и с графиней Шуваловой. Жомини бранил ужасно Вальтера Скотта за его жизнь Наполеона. Он сам печатает признания Наполеона» [16. Т. 13. С. 262] и «Июнь. 25 (7) <июня>, суббота. Обед у посла. <...> Весь дипломатический корпус русский: <...> : Жомини...» [16. Т. 13. С. 272]. Скорее всего, в это время, еще до отъезда из Парижа, Жомини и подарил свою уже напечатанную книгу Жуковскому.

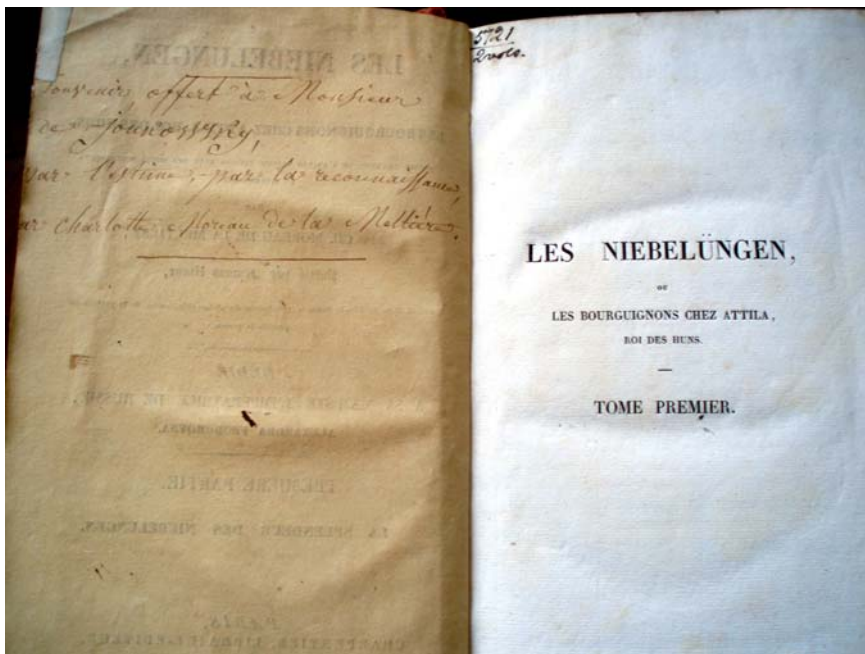
И хотя в книге нет помет Жуковского, сочинение Жомини не могло не привлечь его внимания. На протяжении почти всей своей творческой биографии – от «Певца во стане русских воинов» (1812) до незаконченной, предсмертной поэмы «Странствующий жид» (1850–1852), русский романтик всматривался в уроки наполеонизма, соотнося судьбу великого императора с русской и мировой историей, с библейским образом Агасфера.

Сочинение Жомини в сознании Жуковского не могло не соотноситься с книгой Вальтера Скотта «*The life of Napoleon Bonaparte*» («Жизнь Наполеона Бонапарте» (см.: [30. С. 147–151]), вышедшей в том же 1827 г. и явившейся объектом полемики французского генерала и военного писателя.

В библиотеке Жуковского есть и другие сочинения Жомини, касающиеся истории военного искусства и вышедшие уже в 1830-е гг. [11. № 1385–1386]. Дневниковые записи от 13–14 июля 1833 г. сообщают о встречах поэта с французским генералом в Бадене [16. Т. 13. С. 386]. Сохранилось также письмо Жуковского к Жомини [33. Стб. 256–257] в ответ на его просьбу получить «несколько строчек вашего почерка и почерка Карамзина» [31. Стб. 252–256]. Если учесть, что они не могли не встречаться в 1837 г., когда Жомини преподавал наследнику стратегию, то история их отношений охватывает по меньшей мере целое десятилетие, с 1827 по 1837 г.

Инскрипт Жомини вносит в эту историю дополнительные штрихи, углубляющие представление об исторических взглядах поэта, связанных с темой Наполеона и проблемой наполеонизма.

3. Жуковский и Шарлотта Моро де ла Мельтиер

На обложке первой части книги «Les nibelungen, ou les bourguignons chez Attila, roi des Huns. Poème traduit de l'ancien idiome teuton avec des notes historiques et littéraires par Mme Ch. Moreau de la Meltière. Publié par Fr. Riaux. Parties 1–2. Paris, 1837», хранящейся в библиотеке поэта, имеется следующая дарственная надпись: «Souvenir, offert à Monsieur de Joukoffsky, par l'estime, par reconnaissance, par Charlotte Moreau de la Meltière» [Перевод: В дар господину Жуковскому как знак уважения и благодарности от Шарлотты Моро де ла Мельтиер].

Никаких помет в этой книге нет, но дарственная надпись и ее контекст заслуживают специального разговора.

С автором перевода «Песни о Нибелунгах» Анной Катериной Шарлоттой Моро де ла Мельтиер (урожд. Boutier de Singling, 1777–1854) Жуковский был знаком давно, еще с юности. Он познакомился с ней в 1812–1813 гг. в Мурадове, где она оказалась вместе со своим мужем, французским эмигрантом Жаном Пьером Теодором (1781–1848). Как они оказались в России, доподлинно ничего не известно. В письме к А.Ф. Воейкову от 13 февраля 1814 г. Жуковский просит помочь им и характеризует Шарлотту Моро де ла Мельтиер следующим образом: «<...> жена его, знающая немецкий, французский и итальянский языки, большая музыкантша, мастерица петь, да к тому же и литератор» [32. С. 20]. Позднее она вполне оправдала эту характеристику, создав несколько переводов, оригинальных романов, драм, некоторые из них посвятив Жуковскому.

В свою очередь, во время парижского путешествия 1827 г. по ее протекции поэт сблизился с семьей французского историка Франсуа Гизо. В письме

к Шарлотте Моро от июня 1827 г. он пишет: «Благодаря вам, я очутился в кругу давнишнего знакомства: говорю о любезном семействе Гизо, которое я уважал издали и люблю вблизи» [34. С. 513–514. Оригинал по-французски]. И далее, обращаясь уже прямо к своим воспоминаниям о встречах с ней, Жуковский замечает: «Письмо ваше для меня было как бы голосом прошедшего. Дни, проведенные нами вместе, принадлежат к тому времени моей жизни, которое ни в чем не сходствует с моим нынешним временем. Муратово – это место, где протекал мой золотой век» [34. С. 513–514.].

В 1837 г. после посещения родных мест, в том числе Муратова, поэт наводит в Москве старую знакомую, о чем свидетельствует следующая запись в дневнике: «1 августа. Визиты. У М-me Moreau» [16. Т. 14. С. 69]. Эта лаконичная запись проливает свет на инскрипт в книге с переводом «Песни о Нибелунгах», вышедшей в июле 1837 г. Есть все основания предполагать, что именно в этот день как залог памяти о муратовских днях и «золотом веке» переводчица преподнесла Жуковскому книгу с вышеприведенной дарственной надписью.

С Шарлоттой Моро де Мельтиер Жуковский неоднократно встречался и в 1841 г., во время своего последнего посещения Москвы накануне отъезда после женитьбы в Германию. Об этом говорят лаконичные записи в дневнике: «15 (27) января. <...> Утром у меня <...> болтушка Моро»; «18 (30) января. <...> в театр. <...> кресла подле Моро»; «19 (31) января. <...> У меня потом Моро с женою и сыном» [16. Т. 14. С. 236–237]. В архиве поэта (Онегинское собрание) сохранилось 14 писем Шарлотты Моро к Жуковскому [35. С. 76].

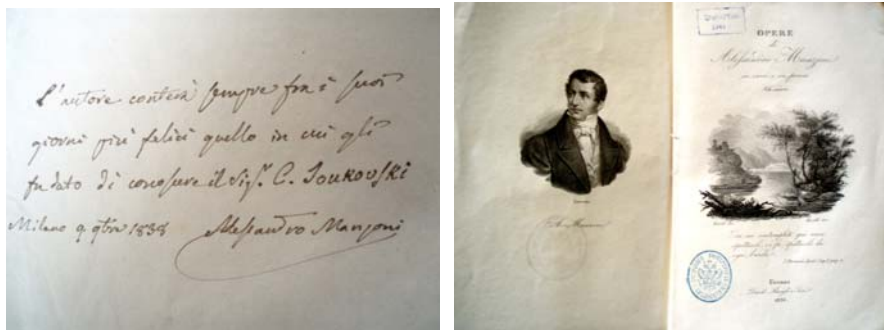
Сама книга с инскриптом интересна не только с точки зрения выявления нового адресата эпистолярия Жуковского, расширения представлений о круге его знакомств, но и для разговора о творчестве поэта.

Эта книга несет в себе следы связи ее автора с русской жизнью. Во-первых, она посвящена русской императрице Александре Федоровне, что уже указано на обложке и на шмуцтитуле: «Dédié à sa majesté l'impératrice de Russie, Alexandra Feodorovna» [Перевод: Посвящается ее величеству императрице России, Александре Федоровне]. Во-вторых, в предисловии, написанном профессором философии Франсисом Рио, чувствуется хорошая осведомленность в вопросах славянского, в частности русского, фольклора и литературы. Так, на с. XXXV в первой сноске говорится о П.В. Киреевском как собирателе фольклора и о «Песни о полку Игореве» как «поэтической картине, полной славы и отваги». Здесь же указано, что вдохновителем Моро был Франсуа Гизо, а работа над переводом продолжалась целое десятилетие. Все эти факты в своей совокупности и в соотношении с биографией Жуковского позволяют предположить, то и поэт был хорошо осведомлен о работе своей старой знакомой, а во время парижской встречи с Гизо в 1827 г., т.е. как раз за 10 лет до выхода перевода в свет, мог вести разговор об этом. Несомненно одно: этот подарок по-своему был символическим. Он словно подогревал интерес Жуковского к замечательному памятнику немецкой народной поэзии.

Глубокий интерес Жуковского в 1840-е гг. к «Песни о Нибелунгах» был неразрывно связан с освоением народного эпоса, с историей Зигфрида. Ар-

живные материалы позволяют говорить о серьезности намерений Жуковского в отношении повести о юности главного героя. В списках начала 1845 г. постоянно рядом с уже осуществленными повестями и сказками находится «Повесть о Зигфриде Змееборце». Поэт вначале вписал ее в число уже осуществленных произведений («Капитан Бопп», «Неожиданное свидание», «Маттео Фальконе» и др.), но затем вычеркнул и назначил исполнение переложения на июнь 1845 г. [36. С. 492–502]. Показательно, что это произведение должно было войти в задуманное поэтом собрание «Повестей для юношества». Во всех тщательно разрабатываемых проектах этого замысла оно фигурирует неизменно то под названием «Повесть о Зигфриде Змееборце», то «Повесть о Зигфриде и Нибелунгах» [37. Л. 1–2]. По всей вероятности, поэт так и не осуществил этот замысел, но сам факт внимания поэта к героической истории Зигфрида Змееборца в период подготовки «Повестей для юношества» свидетельствует о том, что этот эпический сюжет имел для него дидактический смысл. В истории деяний героя «Песни о Нибелунгах» он искал материал для своей «воспитательной проповеди». В этом отношении знакомство с переложением памятника немецкого народного эпоса Шарлоттой Моро де ла Мельтиер было важным этапом его творческой биографии.

4. Жуковский и Алессандро Мандзони

Итальянские путешествия и знакомства с виднейшими деятелями итальянской культуры, интерес к итальянской живописи и музыке, чтение произведений итальянской литературы и общественной мысли, переводы римских классиков (Вергилий, Гораций, Овидий) – особая страница в творческой биографии Жуковского (см.: [38. С. 277–308]).

Встреча с известным итальянским романтиком, автором популярного романа «Обрученные» Алессандро Мандзони (1785–1873) получила свое конкретное выражение и развитие в инскрипте на форзаце его полного собрания сочинений (*Opere di Alessandro Manzoni in verso e in prosa, volume unico. Firenze, 1837*): “L’autore contera sempre fra i suoi giorni piu felici quello in cui gli fu dato di conoscere il Sign. C. Joukovski. Milano, 9 Novembre 1838. Alessandro Manzoni” [Перевод: Автор всегда будет считать среди счастливых дней своих тот день, в который ему дано было познакомиться с господином Жуковским. Милан, 9 ноября 1838. Алессандро Мандзони – итал.].

Запись в дневнике об этой встрече датирована 27 октября (8 ноября): «К Фризьяни. С ним к Манцони. В улице <пропуск>, в собственном доме. Переход через двор; в нижнем этаже. Перед камином. Тотчас подал омбрасоль. Сходство не наружностью, а всем слогом с Каподистриею. Разговор о Гете, о Байроне, о тенденции нынешней поэзии. Белые стихи. Сущность поэзии. Нельзя вдохновенно написать похвалы победам турок или похвалы терроризму. О соединении вер» [16. Т. 14. С. 132].

На следующий день, когда, вероятно, и появилась дарственная надпись, Жуковский посещает ателье миланского художника Джузеппе Мольтени (1800–1867): «К Molteni, оригинал в шотландском платье. Портрет Манцони (который не дал снять копии)...» [16. Т. 14. С. 132].

Лаконичные дневниковые записи нашли свое распространение и развитие в подробном письме к И.И. Козлову от 4 (16) ноября 1838 г. Это письмо – комментарий к дарственной надписи, раскрывающий историю встречи с Мандзони и возникновения инскрипта. Лейтмотивное настроение письма – чувство высокой радости и счастья: «я не надеялся иметь это счастье», «эти два часа принадлежали к прекрасным часам моей жизни», «эти немногие минуты были для меня счастливы, как в старину подобные минуты с Карамзиным, при котором душа всегда согревалась и яснее понимала, на что она на свете» [39. С. 639]. Рассказывая о появлении дарственной надписи, Жуковский сообщает: «Я купил экземпляр полных его сочинений и просил его написать на нем свое имя; вот что он написал [далее цитируется вышеприведенный инскрипт]» [39. Т. 4. С. 640].

К этому трудно что-либо добавить. Два романтика, русский и итальянский, не зная творчества друг друга, нашли сразу же взаимопонимание. Тенденции нынешней поэзии и сущность поэзии вообще, имена Гете и Байрона, характер белых стихов – все это темы, которые не могли не волновать поэтов-современников, во многом единомышленников.

Знакомство с Алессандро Мандзони, его инскрипт существенно дополняют картину русско-итальянских литературных связей Жуковского. Его вхождение в мир итальянского романтизма будет продолжено через встречи с Сильвио Пеллико, художниками-назарейцами, натурфилософами (так, венецианский ботаник Валериано Луиджи Брера подарит ему свою книгу «Ischia e Venezia...»), чтение сочинений Маккиавелли, Дарю, Т. Гросси, прогулки с Гоголем по Риму и участие в римском карнавале, через многочисленные рисунки, которые сопровождали его в путешествии по Италии (см. об этом: [40. P. 113–150]).

Таким образом, инскрипт Мандзони – это больше чем дарственная надпись на книге, это поистине «посол души, внимаемый душой».

Такова история четырех инскриптов на книгах из библиотеки В.А. Жуковского. Различна судьба их авторов, по-разному складывались отношения дарителей книг и поэта, но несомненно одно: мир инскриптов – это совершенно особая область книжной культуры и литературного быта. Проникая в их историю, мы открываем то, что нередко скрыто в известных источниках. Мир человеческих контактов и литературных отношений, как в зеркале, отражается и в самой дарственной надписи, и в ее разнообразном контексте. Дарственная надпись Н.И. Тургенева и маргиналии Жуковского в «Опыте

теории налогов» обогащают представление об общественной позиции поэта 1820-х гг. и его отношениях к декабристской идеологии. Инскрипт генерала и военного писателя А. Жомини на его сочинении о Наполеоне – еще одна страница «наполеоновской темы» в творческом наследии русского романтика. Перевод «Песни о Нибелунгах» Ж. Моро де ла Мельтиер и история ее отношений с Жуковским позволяют говорить о неслучайности его обращения к этому произведению в 1840-е гг. Встреча с известным итальянским романтиком Алессандро Мандзони и история его инскрипта – существенное дополнение к истории русско-итальянских литературных отношений Жуковского.

Думается, разговор о других инскриптах, находящихся в библиотеке Жуковского, назрел, так как каждая из почти 150 дарственных надписей имеет свою историю и свою судьбу, а все они вместе – органическая часть русской культуры 1800–1840-х гг.

Литература

1. *Гаспаров М.Л.* Древнегреческая эпиграмма // *Гаспаров М.Л.* Избр. труды. Т. 1: О поэтах. М., 1997.
2. *Поздняя латинская поэзия.* М., 1982.
3. *Николаев С., Царькова Т.* Три века русской эпитафии // *Русская стихотворная эпитафия.* СПб., 1998. С. 5–24.
4. *Вестник Европы.* 1817. Ч. 91, № 3.
5. *Мордерер В.Я., Парнис А.Е.* Дарственные надписи Блока на книгах и фотографиях // *Литературное наследство.* Т. 92, кн. 3: Александр Блок: Новые материалы и исследования. М., 1982.
6. *Вопросы литературы.* 1979. № 7. (Хроника).
7. *Озеров Л.* Надпись на книге // *Встречи с книгой.* М., 1979.
8. *Литературное наследство.* Т. 92, кн. 3. М., 1982.
9. *Роскина Н.А.* Дарственные надписи на книгах и фотографиях Чехова // *Литературное наследство.* М., 1960. Т. 68.
10. *Автографы современников Пушкина на книгах из собрания Государственного музея А.С. Пушкина: Аннотированный каталог.* М., 1988.
11. *Библиотека В.А. Жуковского: (Описание) / Сост. В.В. Лобанов.* Томск, 1981.
12. *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений [М.]: Изд. АН СССР, 1952. Т. 12.
13. *Янушкевич А.С.* Экземпляр романа Л. Тика «Странствия Франца Штернвальда» с авторской правкой в библиотеке В.А. Жуковского // *Тик Людвиг.* Странствия Франца Штернвальда. М., 1987. С. 341–346. (Лит. памятники).
14. *Дмитриев Л.А.* История первого издания «Слова о полку Игореве»: Материалы и исследования. М.; Л., 1960.
15. *Иезутова Р.В.* Жуковский и его время. Л., 1989.
16. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М., 1999–2010.
17. *Блюмин И.* Предисловие // *Тургенев Н.И.* Опыт теории налогов. М., 1937.
18. *Лотман Ю.М.* П.А. Вяземский и движение декабристов // *Учен. зап. Тарт. ун-та.* 1960. Вып. 98.
19. *Тургенев Н.И.* Опыт теории налогов. СПб., 1818.
20. *Ланский Л.* Из эпистолярного наследия декабристов: Письма Н.И. Тургенева к Жуковскому // *Вопросы литературы.* 1975. № 11.
21. *Декабрист Н.И.* Тургенев: Письма к брату С.И. Тургеневу. М.; Л., 1936.
22. *Тургенев Н.И.* Дневники и письма. Пг., 1921. Т. 3.
23. *Библиотека В.А. Жуковского в Томске.* Ч. 1. Томск, 1978.
24. *Пестель П.И.* Русская правда. М., 1958.
25. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений: В 12 т. СПб., 1902. Т. 10.
26. *Веселовский А.Н.* В.А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904.

27. *Уткинский сборник: Письма В.А. Жуковского, М.А. Мойер и Е.А. Протасовой* / Под ред. А.Е. Грузинского. М., 1904.
28. *Давыдов Д.В.* Песня старого гусара // Давыдов Д. Стихотворения. Л., 1984.
29. *Тургенев А.И.* Хроника русского: Дневники (1825–1826 гг.). М.; Л., 1964. (Лит. памятники).
30. *Жилякова Э.М.* Книга В. Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарте» и ее русские читатели // Феномен русской классики. Томск, 2004.
31. *Русский архив.* 1871.
32. *Русский архив.* 1900. Кн. 3.
34. *Жуковский В.А.* Сочинения / Под ред. П.А. Ефремова. 7-е изд. СПб., 1878. Т. 6.
35. *Гофман М.Л.* Пушкинский музей А.Ф. Онегина в Париже: Общий обзор, описание и извлечение из рукописного собрания. Париж, 1926. (Le Musée Pouchkine d'Alexandre Onéguine a Paris: Notice, catalogue et extraits de quelques manuscrits par Modeste Hofmann. Paris, 1926).
36. *Янушкевич А.С.* «Песнь о Нибелунгах» и «Рейнские сказания» в восприятии В.А. Жуковского // Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Ч. 2. Томск, 1984.
37. Российская национальная библиотека (РНБ). Ф. 286 (Жуковский). Оп. 1. Ед. хр. 53.
38. *Янушкевич А.С.* Итальянские впечатления и встречи В.А. Жуковского // Русско-итальянский архив II (Archivio italo-russo II) / Сост. Даниэла Рицци и Андрей Шишкин. Салерно (Италия), 2002.
39. *Жуковский В.А.* Собрание сочинений: В 4 т. М.; Л., 1960. Т. 4.
40. *Ferri F.* Le città italiane nei disegni di un poeta: gli album di Vasilij Žukovskij // Europa orientalis. XXV. [Salerno], 2006.